

Как воспитывали русского дворянина

В конце 1940-х годов на одной из постоянных баз геологических экспедиций был исключительно грязный общественный туалет. Но, разумеется, не это, привычное для всех обстоятельство, привлекало общее внимание, а то, что на базу, в составе одной из экспедиций, должен был приехать потомок древнего княжеского рода. «Мы-то ладно, потерпим, — шутили геологи, — но что будет делать Его светлость?» «Его светлость», приехав, сделал то, что многих обескуражило: взял ведро с водой, швабру и спокойно вымыл грязную уборную.

Это и был поступок истинного аристократа, твёрдо знающего, что ничего нет благороднее — сделать чисто там, где была грязь. Убирать — не стыдно, стыдно жить в грязи.

(Из рассказа очевидца)

Дворянство выделялось среди других сословий русского общества своей отчётливой ориентацией на некий умозрительный идеал. Мечтая о лидерстве своего сословия в политической, общественной и культурной жизни дореволюционной России, идеологи и духовные вожди дворянства справедливо усматривали основную преграду в достижении этой цели в удручающе низком культурном уровне подавляющего большинства своих сограждан и представителей своего сословия, однако, не смущаясь непомерной трудностью задачи, считали возможным воспитать из детей Простаковых и Скотининых просвещённых и добродетельных граждан, благородных рыцарей, учтивых кавалеров. Эта цель в той или иной степени проявляется в различных сферах дворянской культуры — от литературы до быта. Особое значение в этой связи, естественно, приобретало воспитание детей.

К дворянским детям применялось так называемое «нормативное воспитание», т.е. воспитание, направленное не столько на то, чтобы раскрыть индивидуальность ребёнка, сколько на то, чтобы отшлифовать его личность соответственно определённому образцу. С позиций современной педагогики недостатки такого воспитания очевидны. Вместе с тем нельзя не заметить, что порой оно приносило удивительные плоды. В прошлом веке в России встречались люди, поражающие нас и сегодня почти неправдоподобной честностью, багородством, тонкостью чувств. Литературные описания, портреты живописцев передают их особенное, забытое обаяние, которому мы уже не в силах даже подражать. Они выросли такими не только благодаря незаурядным личным качествам, но и благодаря особому воспитанию.

При этом необходимо иметь в виду, что «дворянское воспитание» — это не педагогическая система, не особая методика, даже не свод правил. Это прежде всего образ жизни, стиль поведения, усваиваемый отчасти сознательно, отчасти бессознательно: путём привычки и подражания. Это традиция, которую не обсуждают, а соблюдают. Поэтому важны не столько теоретические предписания, сколько те принципы, которые реально проявлялись в быте, поведении, живом общении.

Дворянская семья была тем островком в волнующемся океане русской жизни, который дарил своим обитателям спасительную уверенность, спокойствие и твёрдость, пока и эти островки не захлестнули волны революционной смуты.

Говоря словами Пушкина, у каждого сословия были свои пороки и слабости. Были они, конечно, и у русского дворянства, идеализировать его не стоит. Но о «пороках» в предыдущие десятилетия сказано более чем достаточно (хотя бы в русской литературе и живописи), сегодня стоит вспомнить и о том хорошем, что было в дворянских обычаях и дворянском воспитании, о тех традициях, которые, несмотря ни на что, не забыты и даже начинают робко возрождаться.

И нравственные нормы, и правила хорошего тона, естественно, усваивались дворянскими детьми прежде всего в семейном кругу. При этом мы должны иметь в виду, что дворянская семья объединяла гораздо более широкий круг людей, нежели семья современная. Не принято было «планировать» число детей: их, как правило, бывало много, самого разного возраста («от двадцати до двух годов», — как насмешливо заметил Пушкин, описывая гостей на именинах у Лариных). Соответственно было много дядей и тётей, и вовсе бесконечное количество двоюродных и троюродных братьев и сестёр. Но эти и сами по себе огромные семьи не ограничивались отношениями лишь с близкими родственниками. Понятие «родня» включало в себя людей, связанных столь отдалёнными узами, что современному человеку они, пожалуй, не показались даже поводом для знакомства («седьмая вода на киселе» — говорит об этой степени родства русская пословица).

Многочисленные родственники могли довольно активно вмешиваться в воспитание детей. Представления о том, что оно является исключительной прерогативой отца и матери, тогда не существовало. Правда, и родители в те времена уделяли детям не столь уж много внимания. По воспоминаниям Н.В. Давыдова, «дети тогда, по-видимому, не менее любимые родителями, чем теперь... не составляли безусловно преобладающего элемента в жизни семьи... Особой диете их не подвергали, да и самое дело воспитания в значительной степени предоставляли наставникам и наставницам, следя лишь за общим ходом его, а непосредственно вмешиваясь в детскую жизнь лишь в сравнительно экстренных случаях». Аналогичные свидетельства дошли до нас и в мемуарах В.А. Соллогуба: «Жизнь наша шла отдельно от жизни родителей. Нас водили здороваться и прощаться, благодарить за обед, причём мы целовали руки родителей, держались почтительно и никогда не смели говорить «ты» ни отцу, ни матери.

В то время любви к детям не пересаливали. Они держались в духе подобострастия, чуть ли не крепостного права, и чувствовали, что они созданы для родителей, а не родители для них».

Разумеется, нельзя подводить под один шаблон все дворянские семьи, отношения внутри каждой из них определялись, естественно, личными качествами её членов. Но всё же во всём многообразии дворянского семейного быта просматриваются некоторые общие черты. С одной стороны, воспитание ребёнка совершенно беспорядочно: няни, гувернёры, родители, бабушки и дедушки, старшие братья и сёстры, близкие и дальние родственники, постоянные друзья дома — все воспитывают его по своему усмотрению и по мере желания. С другой стороны, он вынужден подчиняться единым и достаточно жёстким правилам поведения, которым, осознанно или неосознанно, учат его все понемногу. Такая ситуация, конечно, могла сложиться лишь внутри сословного и традиционного общества. Беспорядочность различных влияний на ребёнка нейтрализовалась, во-первых, принадлежностью всех «воспитателей» к одному и тому же кругу общества, придерживающемуся одной культурной традиции, и, во-вторых, заметной патриархальностью быта, тяготеющего к воспроизводству в каждом следующем поколении прежней, опробованной системы отношений.

Насколько мы можем судить по мемуарам и художественной литературе, дворянство сумело сохранить значительную часть своих семейных традиций вплоть до последних лет существования царской России. Однако в наиболее чистом, классическом виде они представлены в конце XVIII — первой половине XIX века.

Послушание родителям, почитание старших выступали в качестве одного из основополагающих элементов патриархального иерархического общества. В почитающей традиции дворянской семье авторитет отца был безусловным и не подлежащим обсуждению.

«— Ну, а по правде, Marie, тебе я думаю, тяжело иногда бывает от характера отца? — вдруг спросил князь Андрей.

Княжна Марья сначала удивилась, потом испугалась этого вопроса.

— Мне? Мне?! Мне тяжело?! — сказала она.

— Он и всегда был крут, а теперь тяжёл становится, я думаю, — сказал князь Андрей, видимо, нарочно, чтоб озадачить или испытать сестру, так легко отзываясь об отце.

— Ты всем хорош, Andre, но у тебя есть какая-то гордость мысли, — сказала княжна, больше следуя за своим ходом мыслей, чем за ходом разговора, — и это большой грех. Разве можно судить об отце?»

Характерно, что традиционный тип отношений отстаивают обычно женщины. Сыновья более своевольны и независимы, они позволяют себе как бы проверять на прочность сложившиеся стереотипы поведения. Однако, как известно, тридцатилетний князь Андрей не осмелится ослушаться отца, приказавшего отложить на год его свадьбу с Наташей Ростовой. Открытое, демонстративное неподчинение воле родителей в дворянском обществе воспринималось как скандал. Открытое проявление неуважения к родителям было невозможно даже при отсутствии у детей истинной привязанности к ним. Пушкин, например, имел основания для критического отношения к своим родителям и никогда не был к ним по-настоящему близок. При этом он пожаловался на несправедливость отца, кажется, только один раз, в письме к Жуковскому; ни одного плохого слова или поступка по отношению к родителям он не допустил. Помимо личных нравственных качеств здесь, видимо, сыграло свою роль и твёрдое представление о том, что иное поведение недопустимо и просто неприлично.

Отношение к детям в дворянской семье с сегодняшних позиций может показаться излишне строгим, даже жёстким. Но эту строгость не нужно принимать за недостаток любви. Высокий уровень требовательности определялся тем, что воспитание ребёнка было строго ориентировано на норму, зафиксированную **в традиции, в дворянском кодексе чести и в правилах хорошего тона.**

Хотя многие дети учились дома, день их был строго расписан, с неизменно ранним подъёмом, уроками и разнообразными занятиями. За соблюдением порядка неотступно следили гувернёры. Завтраки, обеды и ужины проходили в кругу всей семьи, всегда в определённые часы. Н.В. Давыдов вспоминает: «Хорошие манеры были обязательны; нарушение этикета, правил вежливости, внешнего почёта к старшим не допускалось и наказывалось строго. Дети и подростки никогда не опаздывали к завтраку и обеду, за столом сидели смирно и корректно, не смея громко разговаривать и отказываться от какого-нибудь блюда. Это, впрочем, нисколько не мешало процветанию шалостей вроде тайной перестрелки хлебными шариками, толчков ног и т.п.»

За сколько-нибудь серьёзные проступки детей строго наказывали. «Во многих вполне почтенных семьях розга применялась к детям младшего возраста, — вспоминает Н.В. Давыдов, — а затем была в ходу вся лестница обычных наказаний: без сладкого, без прогулки, ставление в угол и на колени, устранение от общей игры и т.п.» Но при этом он добавляет: «Если попадались хорошие наставники (что было нередко), то детям жилось, несмотря на воспрещение шуметь при старших, вмешиваться в их разговоры и приучение к порядку и хорошим манерам, легко и весело».

В самом деле, по свидетельствам мемуаров и русской классической литературы, за редкими исключениями, семейный дом для дворянского ребёнка — это обитель счастья, с ним связаны самые лучшие воспоминания, самые тёплые чувства. Не случайно для того, чтобы убедиться в строгости предъявлявшихся к детям требований, приходится специально сфокусировать на ней внимание: авторы романов и воспоминаний, как правило, не придают этому значения. Видимо, если строгость не воспринимается как произвол и насилие, она переносится очень легко и приносит весьма много пользы.

Сын Льва Толстого Сергей вспоминал: «Отец очень редко наказывал нас, не ставил в угол, редко бранил, даже редко упрекал, никогда не бил, не драл за уши и т.п., но по разным признакам мы чувствовали, как он к нам относится. Наказание его было — немилость: не обращает внимания, не возьмёт с собой, скажет что-нибудь ироническое».

Теми же правилами воспитания руководствовался и В.А. Жуковский — наставник бу-

дущего царя. Он позволял себе даже давать советы царственным родителям наследника. В частности, стремился внушить, что **мысль об отце должна быть «тайной совестью» мальчика**. Одобрение и наказание должны быть очень редкими, ибо одобрение — величайшая награда, а неодобрение — самое тяжкое наказание. Гнев отца должен быть для мальчика потрясением, запоминающимся на всю жизнь, поэтому ни в коем случае нельзя обрушивать на ребёнка этот гнев по несущественным поводам.

Разумеется, эти примеры никак не подходят под рубрику «типичный случай». Но вне определённой культурной традиции, в другой общественной атмосфере подобные отношения были бы невозможны (или во всяком случае трудно осуществимы) даже при тех же личных качествах отцов и детей.

...И я уверен, что уличи он меня в физической трусости, то меня бы он проклял.

В. Набоков. «Дар»

Характер отношений отца и сына, значение, которое придаётся ими физической храбрости, столь выразительно переданные одной фразой набоковского героя, очень показательны для дворянской среды.

Пушкин отметил в своих записях одно из наставлений князя Потёмкина своему племяннику Н.Н. Раевскому (будущему генералу, герою войны 1812 года): «Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты: если нет, то укрепляй врождённую смелость частым обхождением с неприятелем».

И это касалось не только военных, **храбрость считалась безусловным достоинством дворянина, и это учитывалось при воспитании ребёнка**.

Сопоставляя «Детство» Л.Н. Толстого и «Детство Никиты» А.Н. Толстого, мы видим, что некоторые обычаи сохранялись в дворянских семьях на протяжении десятилетий. Например, мальчик 10–12 лет должен был ездить верхом наравне со взрослыми. Хотя в упомянутых произведениях матери плачут и просят отцов побереечь сына, их протесты выглядят как ритуал, сопровождающий это обязательное для мальчика испытание. Определённая опасность для ребёнка здесь действительно была: старший сын Николая I Александр примерно в таком возрасте упал с лошади и разбился так сильно, что несколько дней пролежал в постели. Однако выздоровев, наследник престола продолжил тренировки.

Храбрость считалась обязательным качеством и для девочки. Вот эпизод из воспоминаний Е. Мещерской (события разыгрываются почти через сто лет после эпизода с маленьким Александром, но требования к личной храбрости ребёнка остались прежними).

Старший брат девочки, Вячеслав, считал своей обязанностью заниматься её воспитанием. Зная, что сестра боится грозы, он втащил её силой на подоконник раскрытого окна и подставил под ливень. От страха Катя потеряла сознание, а когда пришла в себя, брат вытирал своим носовым платком её мокрое лицо и приговаривал: «Ну, отвечай, будешь ещё трусить и бояться грозы?» Потом, неся девочку на руках вниз по лестнице, он сказал: «А ты, если хочешь, чтобы я тебя любил и считал своей сестрой, будь смелой. Запомни: постыднее трусости порока нет».

Рискованность подобных воспитательных процедур во многом оправдывалась искренней верой в их благотворность. Такие приёмы годились, надо думать, не для каждого ребёнка, но эта вера, возможно, производила соответствующее впечатление на детей: они воспринимали такие опыты над собой не как произвол и жестокость старших, но как необходимую закалку характера. Так Е. Мещерская, будучи уже старой женщиной, вспоминает этот случай из своего детства без обиды и возмущения. Напротив, она с удовольствием заключает: «И я никогда больше не боялась грозы».

... Упал на льду не с лошади, а с
лошадью: большая разница для
моего наезднического самолюбия.
*А.С. Пушкин. Из письма
к П.А. Вяземскому*

Храбрость и выносливость, которые, безусловно, требовались от дворянина, были почти невозможны без соответствующей физической силы и ловкости. Неудивительно, что эти качества высоко ценились и старательно прививались детям. В Царскосельском лицее, где учился А.С.Пушкин, каждый день выделялось время для «гимнастических упражнений», лицеисты обучались верховой езде, фехтованию, плаванию и гребле. Прибавим к этому ежедневный подъём в 7 утра, прогулки в любую погоду и обычно простую пищу. При этом нужно учитывать, что лицей был привилегированным учебным заведением, готовившим, по замыслу, государственных деятелей. В военных училищах требования к воспитанникам в отношении физической закалки были несравненно более строгими и обращались с кадетами куда суровей.

С.Н. Глинка, обучавшийся в кадетском корпусе в 80-х годах XVIII в., вспоминал: «В малолетнем возрасте нас приучали ко всем воздушным переменам и, для укрепления телесных наших сил, заставляли перепрыгивать через рвы, влезать и карабкаться на высокие столбы, прыгать через деревянную лошадь, подниматься на высоты». Получив такую закалку, молодые люди любили ею бравировать. По выходе из корпуса Глинка и его товарищ поступили в адъютанты к князю Ю.В. Долгорукову. Однажды в январский мороз, когда все кутались в шубы, они отправились сопровождать князя в щегольских обтянутых мундирах. Долгоруков с одобрением заметил: «Это могут вытерпеть только кадеты да черти».

Впрочем, подобным «молодечеством» славились не только кадеты. Сам император Александр I на свою знаменитую ежедневную прогулку, в любую погоду, а в Петербурге она редко бывает тёплой, отправлялся в одном сюртуке с серебряными эполетами и в треугольной шляпе с султаном. Соответственно воспитывали и царских детей.

К девочкам в этом смысле было меньше требований, но и у них физическая изнеженность не культивировалась.

А.П. Керн воспитывалась вместе со своей двоюродной сестрой А.Н. Вульф. В своих воспоминаниях о детстве Керн отмечает, что каждый день после завтрака их вели гулять в парк «несмотря ни на какую погоду», гувернантка их заставляла лежать на полу, чтобы «спины были ровные», а одежда была так «легка и бедна», что Анна Петровна навсегда запомнила, как мёрзла в карете во время поездки к дяде из Владимира в Тамбов.

Молодые женщины гордились своим умением хорошо ездить верхом. Сёстры Натальи Николаевны Пушкиной, великолепно владевшие этим искусством, со всем основанием рассчитывали произвести тем самым впечатление на столичных кавалеров. В сцене охоты в «Войне и мире» Наташа Ростова, которая «ловко и уверенно» сидит на вороном Арапчике, своей неутомимостью вызывает безусловное одобрение окружающих. «Вот так графиня молодая, — с восхищением замечает дядюшка, — день отъездила, хоть мужчине впору, и как ни в чём ни бывало!».

В судьбе декабристок современного человека едва ли не в первую очередь поражает то обстоятельство, что привыкшие к роскоши барыни добровольно обрекли себя на материальные и бытовые лишения. Между тем современники оценивали их поступок прежде всего как акт политический. Ю.М. Лотман отмечал, что сам факт следования жены за мужем в ссылку не был в восприятии русского дворянина чем-то из ряда вон выходящим. Ещё в допетровскую эпоху семья ссыльного боярина, как правило, следовала за ним в добровольное изгнание, где её ждали отнюдь не комфортные условия жизни. Так было и потом — вспомним хотя бы историю Натальи Долгоруковой и многих других прекрасных русских женщин. В общем, русские дворянки были и психологически, и физически подготовлены к трудностям жизни куда лучше, чем это может показаться.

Пушкин, ревниво подчёркивая, что упал он с лошадью, проявляет характерную для

дворянина, светского человека заботу о своей репутации: хорошая физическая форма была, с этой точки зрения, весьма немаловажна.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей.

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Известный знаток правил хорошего тона Честерфилд в своих «Письмах к сыну» убеждает юношу, что кичатся своим платьем, конечно, только «хлыщи», но воспитанный человек обязан думать о том, как он одет, просто из уважения к обществу. «Пусть даже человеку моих лет, — пишет Честерфилд, — не приходится ожидать никаких преимуществ от того, что он изящно одет, если бы я позволил себе пренебрежительно отнестись к своей одежде, я этим выказал бы неуважение к другим».

В самом деле, физическая выносливость и мужество сочетались у аристократов с тщательной заботой о своей наружности. Когда Марина Цветаева, рисуя образ молодых генералов 1812 года, восклицает: «Цари на каждом бранном поле — и на балу!» — несмотря на откровенную романтическую идеализацию своих героев, она очень точно передаёт характерное для них сочетание мужества и элегантности.

Суждения английских знатоков для нас в данном случае особенно интересны, ведь российские светские щёголи ориентировались именно на них. Пушкинский Онегин, как мы помним, тоже был «как dandy лондонский одет».

«Дендизм» как стиль одежды и стиль поведения был весьма популярен у дворянской молодёжи 1810–1820 годов. Не избежал этого увлечения и сам Пушкин. «Русский дендизм отлично сочетал блеск внешних форм с утончённостью умственной культуры» (Л. Гроссман). Отношение к внешности и одежде носило не суетно-тщеславный, но эстетический, даже философский характер. Это был культ прекрасного, стремление найти изящную форму для всех проявлений жизни. С этой точки зрения изящные остроты и полированные ногти, изысканные комплименты и тщательно уложенные волосы представляли дополняющими друг друга чертами облика человека, воспринимающего жизнь как искусство.

Правила хорошего тона требовали, чтобы самый дорогой и изысканный наряд выглядел просто. «Анна переделалась в очень простое батистовое платье. Долли очень внимательно осмотрела это простое платье. Она знала, что значит и за какие деньги приобретается эта простота» («Анна Каренина»).

Особое внимание уделялось украшениям: надевать слишком много драгоценностей считалось дурным тоном. «Она была одета со вкусом, только строгие законодатели моды могли бы заметить с важностью, что на ней было слишком много бриллиантов», — замечает о своей героине Лермонтов («Княгиня Лиговская»).

Пушкин пишет: «Французские принцы имели большой успех при всех дворах, куда они являлись. Были однако ж с их стороны некоторые промахи: они сыпали деньги и дорогие подарки». Всякая нарочитая и открытая демонстрация богатства считалась в хорошем обществе непристойной.

В общем, как давно уже замечено, надо одеваться так, чтобы о вас говорили не: «Как он хорошо одет», но: «Какой джентльмен!»

... Не то что совсем нигилист,
но, знаешь, ест ножом...

Л.Н. Толстой. «Анна Каренина»

«Хорошее общество» было лишь малой частью русского общества, неизменно бурлящего в противоборстве различных идеологических и политических сил. Дворянская культура уже с середины XIX века испытывает сильнейшее давление со стороны «демократической»; иначе говоря, начинается напряжённое соперничество между старым дворянством и всё громче заявляющей о своих правах разночинной интеллигенцией. Однако при всём накале общественных страстей и болезненности конфликтов это соперничество имело ре-

альные шансы не вылиться в войну на уничтожение. Своеобразное культурное сотрудничество, которое незаметно шло в дворянских гостиных, могло стать весьма плодотворным для русского общества. Ведь дворянство охотно принимало в свой круг выходцев из «низших» слоёв, если они были людьми одарёнными и порядочными, а те, в свою очередь, жадно впитывали в себя утончённую культуру дворянской элиты. Впоследствии многие русские интеллигенты по части «хорошего тона» не уступали урождённым князьям. Выигрывали от такого общения и аристократы: новые друзья вносили в их замкнутую жизнь свою энергию и энтузиазм, помогали адаптироваться к неизбежным и необходимым переменам.

За пределами родного дома и избранного круга дворянская молодёжь сталкивалась с иными жизненными ценностями, иным стилем поведения, нежели тот, к которому их тщательно приучали с детства. Это важно иметь в виду, дабы у нас не сложилось ошибочное представление, что жизнь дворянского подростка и юноши проходила в оранжевых условиях, под надёжным кровом незыблемых и общепринятых традиций. Напротив, **следование традициям часто отстаивалось во враждебной к ним среде и требовало немалого упорства.** В частности, было немало искушений отказаться и от соблюдения правил хорошего тона. Вскользь брошенная толстовской героиней реплика о молодом докторе, который «не то что совсем нигилист, но ест ножом», свидетельствует, что чёткая связь между идейными позициями и бытовыми навыками была закреплена на уровне обыденного сознания.

Переживания Тёмы Карташёва, героя трилогии Гарина-Михайловского, разрывающегося между семьёй и своими товарищами по гимназии, очевидно, достаточно характерны для мальчика из дворянской семьи. Он хотел быть таким же, как все — а эти «все» откровенно смеялись над правилами поведения, к которым приучали мальчика дома. Дома же — мать и сёстры обижались и возмущались, видя его пренебрежение к тому, что для них дорого. Тёма чувствовал себя виноватым перед ними, но «вся сеть условных приличий» начинала его раздражать. «У тебя всё принято, не принято, — горячо говорил он сестре, — точно мир от этого развалится, а всё это ерунда, ерунда, ... яйца выеденного не стоит». Мать настойчиво убеждала сына, что нельзя отречься от всего того, «что в тебя вложено поколениями».

— Какими поколениями... Все от Адама... — возражал Тёма.

— Нет, ты умышленно сам себя обманываешь; твои представления о чести тоньше, чем у Еремея. Для него недоступно то, что понятно тебе.

— Потому что я образованнее.

— Потому что ты **воспитаннее... Образование одно, а воспитание другое.**

В этом диалоге чётко обозначен один из главных предметов спора между, условно выражаясь, аристократами и демократами. Разночинцам свойственна была тенденция (живущая и по сей день) противопоставлять образование и воспитание как действительную и мнимую ценности. Однако сама постановка вопроса совершенно неправомерна: нельзя сравнивать и тем более противопоставлять вещи несопоставимые, обладающие собственной абсолютной ценностью и способные лишь дополнить и взаимно обогатить друг друга.

В «Повести о Сонечке» М.Цветаевой студиец Володя А., рассуждая об уроках хорошего тона, который давал студийцам Стахович, говорит: «И я уже много понял, Марина Ивановна, я скажу, что это меньше всего — форма, и больше всего — суть. Стахович нас учит быть. **Это — уроки бытия.** Ибо — простите за грубый пример — нельзя, так поклонившись, заехать друг другу в физиономию — и даже **этих слов сказать нельзя, и даже подумать их нельзя, а если их подумать нельзя — я уже другой человек, поклон этот у меня уже внутри.**»

Допустим, герой цветаевской повести несколько преувеличивает, выдаёт идеальный случай за общее правило, но **глубинная связь между внешним и внутренним в человеческой личности подмечена им совершенно верно.**

В самом деле, вместе со словом «любезность» ушло из повседневного обихода то, что

это слово выражает. Вместе с поклонами и прочими «пустяками» ушли оттенки чувств и отношений, которые только эти «пустяки» и способны были передать. Грандиозный «воспитательный» эксперимент, поставленный в России, дал свои очевидные и удручающие плоды — общество задыхается от хамства и словно кичится распутством. Хорошо ещё, если мы вынесем из него хоть какие-то уроки.

...А есть ножом неудобно, некрасиво и опасно. Вот и всё.

La noblesse oblige —
Положение обязывает.
(Фр. поговорка)

Пушкин любил стихи Вяземского: «Под бурей рока — твёрдый камень //В волненьях страсти лёгкий лист». Здесь прекрасно передан психологический облик человека, в котором эмоциональность и впечатлительность уживались с твёрдостью и силой духа. Во всяком случае должны были уживаться. Ребёнок, воспитанный в дворянской семье, должен был любые трудности и удары судьбы переносить, не падая духом и не теряя собственного достоинства. «Неудача, переносимая с мужеством», для Пушкина являла собой «великое и благородное зрелище», а малодушие было для него, кажется, одним из самых презираемых человеческих качеств. Ему самому оно уж никак не было свойственно, и нравственные, и физические муки он переносил с редкой стойкостью.

Разумеется, подобная сила духа определяется качествами личности прежде всего. Но нельзя не заметить и **совершенно определённой этической установки**, которая проявлялась в поведении людей одного круга. Там, где честь являлась основным стимулом жизни, самообладание было просто необходимо. Следовало подавлять в себе эгоистические интересы (даже вполне понятные и оправданные), если они приходили в противоречие с требованиями долга.

Отец Петруши Гринёва из пушкинской «Капитанской дочки», прощаясь со своим обливающимся слезами недорослем, конечно же, беспокоится за него, но не считает возможным это показать. «Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: «Береги платье снову, а честь смолоду». Показать чувства могут лишь женщины: «Матушка в слезах наказывала мне беречь здоровье».

Старик Болконский («Война и мир»), провожая сына на войну, позволяет себе только такие слова: «Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... — Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: — А коли узнаю, что ты повёл себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!»

В воспоминаниях Е. Мещерской описывается, как после революции 1917 года они с матерью поселились в рабочем посёлке, где княгиня устроилась на работу поварихой. В первую ночь им пришлось спать на голом полу, подложив под голову доски. Девочка почти не спала и к тому же занозила себе ухо. Когда утром мать вытаскивала ей занозу, Катя громко расплакалась, даже не от боли, а «от нашей нищеты, причины и смысл которой были мне непонятны, плакала потому, что наше будущее представлялось мне безнадёжным. «Я не знала, что у меня дочь такая плакса, — почти равнодушно сказала мать... Откуда такое малодушие? Чтобы я больше никогда не видела ни одной твоей слезы...» Потом, когда Катя часто не спала и знала, что мать сейчас тоже «мучается воспоминаниями», девочка до боли кусала себе язык, «чтобы не заговорить и не расплакаться в жалобах».

Может показаться, что эти примеры мало связаны друг с другом. Между тем они **объединены общим «силовым полем» этических требований**, которые выводили любые проявления малодушия и слабости за рамки достойного поведения.

Е. Мещерская свидетельствует: «Рождённая в роскоши, слыша с детства со всех сторон разговоры о нашем богатстве, привыкшая к большому штату слуг, вежливых и предупредительных, не знаю почему, я не впитала в себя идей, приписываемых нашему привилегированному сословию, и ни у меня, ни у брата, ни у кого из моих сверстников не было в

крови той иждивенческой психологии, которую я впоследствии встречала и сейчас иной раз встречаю у нашей молодёжи». **Нравственный облик человека формирует не уровень материального благосостояния, а уровень этических требований.** И пусть нам не покажутся преувеличенными признания Кати Мещерской: «И когда в первый же вечер, придя с работы, моя мать принесла мне свой ужин, мне показалось, что я получила звонкую пощёчину». Вскоре, нарушив запрет матери, Катя устроилась в школу преподавать музыку своим сверстникам. Рассерженной матери она твёрдо заявила: «Не сердитесь на меня, прошу Вас! Вы всё ещё считаете меня ребёнком, а я ведь всё, всё вижу! И Ваши страдания. Ну поймите вы меня: я сама должна зарабатывать себе на хлеб!»

Мы не должны представлять себе этих людей некими суперменами. Просто они смолоду были приучены превозмогать по мере сил страх, отчаянье и боль и стараться не показывать, как это трудно.

Положение обязывает — может быть, особенно ярко раскрылся глубокий смысл этого изречения именно в тех обстоятельствах жизни, на которые никоим образом не было рассчитано дворянское воспитание. В советской России в этих обстоятельствах оказались сразу тысячи людей, и они повели себя по-разному. Далеко не все смогли сберечь честь в том смысле, который вкладывали в эти слова их предки. Не нам их судить. Вспомним лучше о других, кому это удалось.

Они жили в перенаселённых коммуналках (нередко переделанных из их собственных роскошных квартир), ездили в набитых трамваях, выстаивали в бесконечных российских очередях — и не унижались настолько, чтобы придавать всему этому слишком много значения. Нужно было зарабатывать себе на жизнь — и они учили детей музыке и французскому языку, а впрочем, брались за любую работу и, кажется, неплохо справлялись. Их детям необходимо было «пролетарское» происхождение, чтобы получить высшее образование — бывшие барыни становились швеями и поварихами. Многим из них выпал и вовсе страшный опыт, призванный растоптать в душе не только всё «благородное», но просто всё человеческое. И всё же были люди, которые возвращались из ссылок и лагерей, не утратив ни собственного достоинства, ни правильной русской речи, ни даже безукоризненно хороших манер. Многие из нас ещё успели их застать, хотя и не успели оценить. Ну что ж, хоть сегодня воздадим должное памяти тех последних русских дворян, тех аристократов духа, которые сумели остаться верными старинному правилу своего сословия: *la noblesse oblige*.

По материалам книги О.С. Муравьёвой «Как воспитывали русского дворянина»